

Книга Мари-Клод Парис¹ “Китайское языкознание и общее языкознание” составлена из статей, опубликованных в период с 1988 по 1996 гг. в журналах, в частности, “Cahiers de linguistique – Asie Orientale”, “Faits de langue” и “Cinpa”, в сборниках статей, а также в сборниках материалов различных конференций.

Профессор М.-К. Парис преподает в Парижском университете-VII (Дени Дидро). Она – одна из ведущих современных французских китайистов-лингвистов, автор большого числа статей и ряда монографий [Paris, Coyaud 1976; Paris 1979; 1981; 1989; 1997 и др.], член Института Франции (l'Institut Universitaire de France). М.-К. Парис занималась исследовательской работой также и в США.

Рецензируемая книга представляет собой, как свидетельствует сам автор, – и по проблематике, и по методам исследования – продолжение работы “Китайское и общее языкознание: некоторые методы и подходы”, опубликованной в 1989 г. [Paris 1989]. Предмет исследования – современный нормативный об-

щественнонациональный китайский язык (le chinois standard, le mandarin). Основным аспектом рассмотрения является взаимодействие синтаксиса и семантики. Каждая из статей посвящена анализу той или иной проблемы грамматики китайского языка (КЯ), проводимому на основе методов общего языкознания.

Автор книги совершенно справедливо отмечает, что в языкознании не существует устоявшейся традиции (как автохтонной, так и неавтохтонной) изучения грамматики китайского языка. Не сформирован сам понятийный аппарат исследования, и с этим сталкивается всякий, кто вступает в эту область. Автор книги выражает надежду, что его работа внесет определенный вклад в формирование такого понятийного аппарата.

В вошедших в книгу работах рассматривается ряд проблем, которые разрабатывались в 70–90-е годы XX в. как в китайском, так и в общем языкознании, а именно, проблема тематизации и фокализации, типы предикации (в частности, противопоставление событийной и несобытийной предикации), статус китайского языка в типологической и когнитивной перспективе.

Книга состоит из введения и трех частей, каждая из которых включает несколько ста-

¹ Конечная буква *s* в фамилии *Paris* произносится (в отличие от конечной *s* в омографичном данной фамилии названии города).

тей, объединенных по тематике. Библиография дается к каждой статье отдельно.

В **первой части**, озаглавленной как **“Синтаксис и прагматика: порядок слов”**, основное внимание уделяется порядку слов как в простых, так и в сложных предложениях. Общая проблематика этого раздела – топиализация и фокализация. В этой части представлено две статьи: “Синтаксическая позиция и дискурсивная значимость: китайское *ye* ‘тоже’” (1994) и “Подчинение в КЯ: некоторые ограничения на порядок слов” (1996).

Основной тезис первой из указанных статей состоит в том, что нельзя утверждать, что в КЯ синтаксическая позиция и дискурсивная значимость связаны взаимно-однозначным соответствием. В этой статье автор полемизирует с Ф. Цао [Tsao 1990].

Ф. Цао предлагает шесть семантико-синтаксических тестов для определения топики; вводит разграничение первичного и вторичного топики; утверждает, что именная группа, вводимая конструкцией *lian...ye/dou* ‘даже... и то...’, относится к наиболее ярко выраженным, прототипическим топикам. Кроме того, на протяжении всей книги Ф. Цао проводит идею, что в КЯ существует четкая корреляция между синтаксической позицией и дискурсивной ролью: инициальные (превербальные) позиции в предложении являются тематическими (топиковыми), финальные (поствербальные) – рематическими.

Полемизируя с Ф. Цао, М.-К. Парис утверждает, что дискурсивная роль именной группы (ИГ) не может быть установлена без обращения к дискурсу, в рамках одного высказывания. Более надежным способом определения дискурсивной роли ИГ, чем предлагаемые Ф. Цао тесты, является методика постановки вопросов к высказыванию. М.-К. Парис показывает, что структура вопросительного предложения в КЯ может быть различной и коррелирует с дискурсивной ролью компонента, к которому ставится вопрос. Далее М.-К. Парис с помощью методики постановки вопросов и некоторых дополнительных критериев (например, позиция фразовых адverbиалов, возможность/невозможность релятивизации рассматриваемой ИГ) показывает, что конструкция *lian...ye/dou* ‘даже... и то...’ является средством фокализации, а не топиализации вводимой именной группы.

Пример конструкции с оборотом *lian...ye/dou*, а также ряда других (например, конструкции с оборотом *zhíyou* + ИГ ‘только...’, ср. *Zhi you bai jiu ta bu he* ‘Только водку он не пьет’) показывает, что не всегда инициальные (превербальные) позиции в предложении являются тематическими, а финальные

(поствербальные) – рематическими. Как оборот с *lian... ye/dou*, так и оборот с *zhíyou* вводят новую информацию, то есть являются рематическими.

Вторая часть, посвященная **типам предикации** в КЯ, включает три статьи: “Типы предикации и повтор сказуемого в КЯ” (1995), “Еще раз о ‘еще’ в КЯ: *hai* и *haishi*” (1988), “Обозначение длительности действия в КЯ” (1985/1988).

Гипотеза, объединяющая статьи второй части, состоит в том, что существуют ограничения на употребление синтаксических конструкций, обусловленные типом предикации. Дело в том, что тип предиката связан с определенным аспектуальным значением, которое может не согласовываться с данной синтаксической конструкцией.

В статье “Типы предикации и повтор сказуемого в КЯ” показано, что возможность/невозможность употребить эмфатическую конструкцию с оборотом *lian... ye/dou* ‘даже... и то’ в отрицательном предложении (что требует повтора сказуемого) обуславливается не синтаксическими факторами, а семантическими, а именно, типом предикации. Так, в КЯ можно говорить об оппозиции предикации событийной (*prédication événementielle*, *prédication d'événement*) и предикации несобытийной, или характеризующей (*prédication non-événementielle*, *prédication de propriété*). Конструкция с повтором сказуемого возможна только в предложениях с событийной предикацией, которая, в отличие от характеризующей предикации, квантифицируема (может быть определено т.н. “количество действия”); об этом говорит возможность употребления в предложении конструкции с числительным и глагольным счетным словом).

Поэтому предложения, содержащие событийную предикацию, могут быть подвергнуты эмфатическому отрицанию с помощью конструкции *lian...ye/dou*, причем двумя способами: (1) повтор глагола-сказуемого (ср. *Ta lian lai dou mei lai* ‘Он даже не пришел’) или (2) включение в предложение обстоятельства, обозначающего “количество действия”, выраженного сочетанием числительного и глагольного счетного слова (при этом отрицается реализация “минимального количества” данного действия, ср. *Ta lian yi ci dou mei lai-guo* ‘Он ни разу не пришел’, *Ta lian yi yan ye mei kan, jiu zou le* ‘Одним глазком – и то не взглянул, сразу ушел’, *Ta lian yi di jiu dou bu yao he* ‘Он ни капли вина не пьет’).

Предложения, содержащие характеризующую предикацию (ср. *Ta hen gaoxing* ‘Он рад’), не могут быть подвергнуты отрицанию с помо-

цию конструкции *lian... ye/dou* (**Ta lian gaoxing dou bu gaoxing*²).

Различие событийной и характеризующей предикации проявляется и в способе выражения анафоры. Отсылка к характеризующему предикату может оформляться с помощью связки *shi*, в то время как отсылка к событийному предикату такого оформления не допускает и требует повтора предиката. Ср. следующие примеры:

Zhangsan hen gaoxing, Lisi ye shi.

‘Чжан Сань рад, Ли Сы тоже’ (букв. ‘Ли Сы тоже так’³).

*Zhangsan zuotian he le jiu, Li Si ye he le (jiu) (...*Li Si ye shi).*

‘Чжан Сань вчера пил, Ли Сы тоже’ (букв. ‘Ли Сы тоже пил’).

*Zhang San lai le, Li Si ye lai le (...*Li Si ye shi).*

‘Чжан Сань пришел, Ли Сы тоже’ (букв. ‘Ли Сы тоже пришел’).

Работа ‘Еще раз о ‘еще’ в КЯ: *hai* и *haishi*’ опирается на идеи и методы школы А. Кюльоли (А. Culioli). Эти идеи и методы были освещены в отечественной литературе в обзоре В.А. Плунгяна [Плунгян 1988].

В частности, автор оперирует понятиями операции, следа операции, понятийной области (домена) и квантификации. Анализируя две полифункциональные единицы – *hai* ‘еще; все еще; все-таки; оказывается; лучше бы; или’ – автор стремится выявить единую логическую операцию, лежащую в основе всех типов их употреблений. Сами употребления рассматриваемых единиц являются – в рамках данного подхода – следами (traces) этой операции. Рассматриваемые единицы оказываются полисемантическими лишь постольку, поскольку применяются к разным понятийным областям, или доменам (domains).

В статье последовательно рассматриваются следующие типы употреблений *hai*⁴.

² Поясним, что эмфатическое отрицание в таких предложениях может быть выражено с помощью оборота *yi dianr ye/dou bu* ‘даже чуть-чуть не’, ‘совсем не’, ср. *Ta yi dianr yeldou bu gaoxing* ‘Он совсем не рад’ (пример наш. - К.А.; *yi dianr* буквально может быть переведено как ‘одна капля’, ‘один пункт’).

³ Связка *shi* происходит от анафорического местоимения *shi* ‘это(т); так(ой)’, которое дублировало подлежащее и стояло между подлежащим и сказуемым (прим. рец.).

⁴ Читателю, который хотел бы сам составить себе представление о значении и употреблении *hai* и *haishi*, можно посоветовать обратиться также к справочникам [Xiandai 1984; Прядохин, Прядохина 1998].

1. *Hai* в сопоставительных предложениях.

1.1. Эксплицитно сопоставительные предложения.

1.2. Имплицитно сопоставительные предложения.

2. *Hai* как показатель аспектуальности.

2.1. Дуративные употребления (‘все еще’ – действие или состояние продолжает иметь место, вопреки ожиданиям говорящего).

2.2. Итеративные употребления (‘еще’, ‘опять’ – действие еще повторится).

3. *Hai* в качестве сочинительного или подчинительного коннектора (connecteur).

3.1. Сочинительные употребления (‘не только..., но и...’).

3.2. Подчинительные употребления (‘несмотря на..., все еще...’).

В употреблениях типов 2.1 и 3.2 вместо *hai* может употребляться *haishi*. Этимологически *haishi* представляет собой слияние *hai* и связки *shi*. Кроме того, *haishi* имеет еще два значения, которых нет у *hai*: *haishi* может выражать предпочтение (‘лучше бы (сделать то-то и то-то)’, ‘следовало бы’), а также употребляться как союз ‘или’ (это значение развилось в среднекитайском языке, в период с V по XII вв. н.э.).

Мы рассмотрим фрагмент статьи, посвященный сопоставительным предложениям (употребления ти-пов 1.1 и 1.2), поскольку именно они демонстрируют, по мнению автора, основное, прототипическое значение *hai* и дают ключ к пониманию употреблений всех остальных типов.

1.1. Эксплицитно сопоставительные предложения: *Zhangsan bi Lisi hai gao* ‘Чжан Сань еще выше Ли Сы’.

На *hai* в таких употреблениях ложится фразовое ударение.

В рассматриваемом предложении свойство ‘быть высоким’ пресуппонируется для обоих сопоставляемых термов. Если бы в предложении не было наречия *hai*, сопоставляемые термы могли бы и не обладать этим свойством, ср. *Zhangsan bi Lisi gao* ‘Чжан Сань выше Ли Сы’ не предполагает наличия высокого роста у сравниваемых людей.

В эксплицитно сопоставительных высказываниях сравниваются два терма, обладающие тем или иным однородным шкалируемым свойством. *Hai* маркирует дистанцию, разрыв между двумя расположенными на шкале точками, которые к тому же соотнесены с некоторой третьей точкой, задающей объективную середину (в вышеприведенном примере – средний рост человека). Оба сопоставляемых терма – старший и младший – обязательно эксплицитно выражены в высказывании.

Старший терм может быть соотнесен с объектом, который является эталонным носителем некоторого признака: ср. *Zhei kuai tang bi fengmi hai tian ne!* ‘Эта конфета еще слаще меда!’

1.2. ИмPLICITно сопоставительные предложения. В высказываниях этого типа эксплицитно выражен только один терм – старший. Фразовое ударение ложится не на *hai*, а на сказуемое: *Zhei dao cai hai haochi* ‘Это блюдо ничего, есть можно’.

Здесь сопоставление также присутствует, но имPLICITно. Сопоставлены два качества – ‘быть вкусным’ (*haochi*) и ‘быть невкусным’. Норма оценки здесь не является ни численно выражимой, ни объективной: она субъективна, это личная оценка говорящего.

ИмPLICITно сопоставительные высказывания утверждают наличие у термина некоторого качества, но показывают, что это качество присутствует не в высокой степени – зона его отсутствия залегает очень близко. Младший (имPLICITный) терм совпадает с границей нормативной зоны.

М.-К. Парис подчеркивает, что в употреблении типа 1.1 и типа 1.2 мы имеем дело не с омонимами, а с одним и тем же квантификатором *hai*. Разница только в том, что понятийные области, к которым он применяется, по-разному структурированы.

И в высказываниях типа 1.1, и в высказываниях типа 1.2 *hai* является следом одной и той же операции: помещения некоторого термина в определенную понятийную область в соотношении с другим термом, который не обладает свойством А в той мере, что первый терм.

С одной стороны, *hai* соединяет, соотносит два термина; с другой стороны, *hai* их разъединяет, противопоставляет. В этой особенности *hai* автор видит основу для развития у *hai* функций коннектора (со значением присоединения или уступки), а у *haishi* – функции дизъюнктивного союза ‘или’.

В заключительной части работы приводит следующая сводная таблица употреблений *hai* и *haishi* (с. 85).

Таблица позволяет увидеть, что возможность употребления *hai* и *haishi* связана с модальными факторами. В употреблении, расположенных в левом столбце, в которых возможно только *hai*, речь идет об определенных, реальных ситуациях. В употреблении, расположенных в правом столбце, в которых возможно только *haishi*, – о виртуальных ситуациях. Средний столбец, в котором возможно и *hai*, и *haishi*, представляет собой переходную зону. Однако важно отметить, что если в фактических уступительных предложениях возможно и *hai*, и *haishi*, то в гипотетических уступительных предложениях предпочтительным является *haishi*.

Безусловно, рассмотренная статья М.-К. Парис разделяет черты школы А. Кюльоли в целом, отмеченные В.А. Плунианом. Стремление выявить инвариант, лежащий в основе разнотипных употреблений языковой единицы, оборачивается чрезвычайной абстрактностью и метафоричностью формулировок. Таким образом, модель оказывается ориентированной более на анализ, чем на синтез [Плуниан 1988: 138]. Заметим, однако, что чрезвычайная абстрактность языка толкований сочетается в работах М.-К. Парис со скрупулезным рассмотрением многочисленных примеров употреблений рассматриваемой языковой единицы в различных контекстах, изучением возможностей замен данной единицы на другие, с исследованием причин, обуславливающих возможность таких замен. Все это дает читателю яркую, точную и полную картину функционирования данной языковой единицы.

Третья часть, озаглавленная “Общее языковедение и факты китайского языка”, является по преимуществу типологической. В ней представлены статьи “Указательные местоимения и лицо в современном китайском языке” (1992), “Иконичность: новая догма в изучении китайского синтаксиса?” (1993), “Синтаксис и семантика четырех показателей переходности в КЯ: *ba, bei, jiao, rang*” (1998).

Статья “Указательные местоимения и лицо в современном китайском языке” посвящена

hai/*haishi	hai/haishi	haishi/*hai
сопоставление (тип 1)	длящееся/повторяющееся действие (тип 2)	альтернатива
присоединение (тип 3.1)	уступка (тип 3.2)	предпочтение
[+определенность (certain)]	[±определенность]	[–определенность]

особенностям китайского дейксиса⁵ и начинается с известной схемы, представляющей соотношение трех лежащих в основе дейктической системы элементов: я (лицо) – здесь (пространство) – *сейчас* (время). На схеме они представлены в виде треугольника, причем элемент “я” занимает главенствующее положение.

Автор выдвигает гипотезу, что в КЯ элемент “я” не является иерархически главенствующим. Скорее речь должна идти о двойной системе отношений: с одной стороны, время противопоставляется пространству и лицу, а с другой – пространство и лицо мыслятся как взаимодополняющие (co-extensif) сущности и, возможно, пространство первично по отношению к лицу.

Что касается времени, то, как отмечает М.-К. Парис, в КЯ маркируется не время, а вид, причем показатели вида в своих исходных значениях имеют пространственное значение. Так, глагол *zai* ‘находиться в’ может употребляться в препозиции к другому глаголу в качестве видового показателя, означающего, что действие находится в процессе совершения. Целый ряд видовых показателей развивается на базе направительных глаголов, выступающих в качестве вторых компонентов сложных глагольных комплексов.

В отношении понятия лица М.-К. Парис выдвигает гипотезу, что в системе дейксиса КЯ выделенным является не изолированный элемент “я” (то есть говорящий), а пара “я – ты” (то есть говорящий и собеседник)⁶. Это доказывается, по мнению автора, некоторыми примерами употреблений указательных местоимений *zhe* ‘это’ и *na* ‘то’.

М.-К. Парис пишет, что если бы элемент “я” был выделен и противопоставлен остальным, то и во всей дейктической системе в целом мы могли бы ожидать соответствия противопоставления *zhe* – *na* противопоставлению *я* – *не-я*: то есть *zhe* – это сфера ‘я / присутствующее’, *na* – сфера ‘не-я / отсутствующее’. Однако такого соответствия нет (или, во всяком случае, оно не всегда выдерживается), что видно из следующих примеров⁷ (с. 123):

⁵ Эта проблематика получила дальнейшую разработку в статье М.-К. Парис “Пространство высказывания в современном китайском языке: куда же делась триада?” [Paris 1997], которая не вошла в рецензируемый сборник.

⁶ Интересно, что исследователь языка суахили Г. Опалка высказывает сходную идею, отмечая, что высказывание не эгоцентрично, а дуоцентрично, т.е. что ориентация задается не только фигурой говорящего, но и фигурой слушающего (цит. по [Апресян 1995: 631]).

⁷ Здесь и далее по тексту сохранена нумерация примеров рецензируемой работы.

(1) *Wo, zhe ge ren, jiu shi zhe yang.*

‘Да, я таков’ (букв. ‘Я, этот человек, как раз таков’).

Употребление *na* в этом предложении невозможно:

(2) **Wo, na ge ren, jiu shi zheyang.* (букв. ‘Я, тот человек, как раз таков’).

(3) *Ni, zhe ge ren, mei liangxin de.*

‘Ты бессовестный!’ (букв. ‘Ты, этот человек, – бессовестный’).

Употребление *na* в этом предложении невозможно:

(4) **Ni, na ge ren, mei liangxin de* (букв. ‘Ты, тот человек, – бессовестный’).

Пример (3) показывает, что для *zhe* ‘это’ не исключается употребление с местоимением *ni* ‘ты’, что, по мнению автора, говорит о том, что говорящий и собеседник мыслятся не как противопоставленные друг другу сущности (une relation de vis-à-vis), а как участники тандема (une relation en tandem).

Однако этот пример, на мой взгляд, не вполне убедителен; он еще не доказывает общности статуса говорящего и собеседника и их общей противопоставленности “остальному миру”. Даже если бы речь шла о некоем третьем лице, в этом контексте было бы употреблено *zhe*, а не *na* (пример наш. – К.А.):

Ta, zhe ge ren, mei liangxin de.

‘Он бессовестный!’ (букв. ‘Он, этот человек, – бессовестный’).

Если пользоваться моделью китайского дейксиса, предложенной Тань Аошун в монографии [Тань 2002], то можно сказать, что возможность употребления *zhe* в примере (3) объясняется тем, что собеседник в этой ситуации представляет собой предмет рассмотрения и оказывается включенным в личную сферу говорящего, которая не представляет собой некоей застывшей, неизменной сущности, а может быть – в различных ситуациях – различной.

Более того, Тань Аошун отмечает, что в оценочных контекстах происходит нейтрализация форм ближнего (*zhe*) и дальнего (*na*) дейксиса: при этом формы с местоимением *zhe* оказываются более предпочтительными, чем формы с *na*, и приводит следующие примеры:

*Zhe ge (*na ge) Li Ming jintian you chidao le.*

‘Этот Ли Мин сегодня опять опоздал’.

*Zhe ge (*na ge) fuqin bu xiang fuqin de yangzi.*

‘Этот отец ведет себя не как отец’ [Тань 2002: 747–748].

По-видимому, гипотеза М.-К. Парис о выделенности пары “я – ты”, сама по себе, безусловно, яркая и интересная, нуждается в дальнейших исследованиях и требует дополнительных доказательств.

Что касается третьего элемента дейктической системы – пространства, то М.-К. Парис

приводит следующие факты, свидетельствующие о его иерархической важности и тесной связи с лицом.

Во-первых, в КЯ предложения наличия формально-синтаксически устроены так же, как предложения обладания, ср.

Zhuozi shang you shu.

‘На столе находятся книги’.

Zhangsan you shu.

‘У Чжан Саня есть книги’.

Во-вторых, обозначение места может употребляться метонимически – для обозначения населяющих его или работающих там людей, ср.

Ni chang ji qian hui jia, nar dou hen gaoxing.

‘Ты часто посылаешь домой деньги, **они там** (букв. **там**) все очень рады’.

Ni jingchang chidao, zher dui ni bu manyi.

‘Ты часто опаздываешь, тобой недовольны’ (букв. ‘**здесь** тобой недовольны’).

В-третьих, в КЯ личное местоимение, как известно, само по себе не может быть употреблено в качестве обстоятельства места: оно должно быть оформлено указательными местоимениями *zher* ‘здесь’ или *nar* ‘там’, ср.

Ni dao wo zher lai!

Приходи ко мне! (букв. ‘Приходи ко **мне-сюда!**’)

В такого рода употреблении понятия лица и места оказываются слитыми и взаимодополняющими: можно говорить о том, что “место” наделяется признаком “одушевленности”.

Все приведенные в данной статье факты позволяют, с точки зрения автора, сделать вывод о том, что “я” (говорящий) не занимает в системе китайского дейксиса иерархический главенствующего положения: выделенным элементом является не изолированное “я”, а тандем “я – ты”; более того, лицо как элемент дейктической системы оказывается слитым с другим элементом этой системы – пространством. (Повторю, что эти выводы, сами по себе очень интересные, носят, на мой взгляд, слишком глобальный характер и требуют рассмотрения на более обширном материале и дополнительной проверки.)

Статья “Иконичность: новая догма в изучении китайского синтаксиса?”, написанная в соавторстве с А. Пейробом (А. Reugebe), также одним из ведущих французских китайистов, посвящена критическому анализу подходов, называемых “иконическими”, в частности, работам Дж. Тая (J.H.-Y. Tai). Эти подходы представляются авторам не соответствующими как экстралингвистическим, так и лексико-грамматическим фактам. Авторы не готовы принять точку зрения Дж. Тая, в соответствии с которой китайский язык объявляется близким к идеальному иконическому типу, а принцип

иконичности – основным принципом организации китайского синтаксиса⁸.

Эту статью мы также рассмотрим более подробно.

Напомним, что иконичностью называется изоморфность плана выражения плану содержания. Р. Якобсон выделял т. н. образную и диаграмматическую иконичность. Ниже речь пойдет о диаграмматической иконичности.

Дж. Тай в работе [Tai 1985] и ряде более поздних работ настойчиво проводит тезис, что именно иконичность является основным принципом организации китайского синтаксиса. Порядок следования синтаксических компонентов соответствует порядку их появления в концептуальном мире говорящего. Это проявляется, например, в порядке слов в сравнительных предложениях (сначала вводятся сравниваемые объекты, затем – параметр, по которому они сравниваются, ср. *Ta bi wo gao* ‘Он выше меня’, букв. ‘он – сравнить с – я – высокий’); в порядке расположения обстоятельств места (обстоятельства, обозначающие исходный пункт действия, располагаются перед сказуемым, а обстоятельства, обозначающие конечный пункт действия, – после сказуемого); в т. н. принципе временной последовательности (ПВП): глагольные синтагмы в сериальных глагольных конструкциях и пропозиции в сложных предложениях располагаются в порядке, соответствующем последовательности реализации обозначаемых ими ситуаций. Некоторые последователи Дж. Тая (например, С.Н.-Н. Chang, см. [Chang 1991]) утверждают даже, что именно принцип иконичности, как обладающий максимальной объяснительной силой, должен быть положен в основу преподавания китайского языка иностранцам.

М.-К. Парис и А. Пейроб приводят ряд примеров, демонстрирующих ограниченность сферы действия принципа иконичности и показывающих, что этот принцип не обладает универсальной объяснительной силой. Упомянем некоторые из них.

Так, порядок слов в сравнительных предложениях в некоторых китайских диалектах, например, в кантонском, не такой, как в общекантонском КЯ (путунхуа), ср. кантонское *Keuih gou guo ngoi* ‘Он выше меня’ (букв. ‘он – высокий – превзойти – я’).

А в древнекитайском все предложные обстоятельства места, независимо от того, обозначали ли они исходный или конечный пункт действия, вводились универсальным предлогом *yu* и располагались после глагола-сказуемого.

⁸ Л.Н. Морев также считает тезисы Дж. Тая излишне категоричными, см. [Морев 1998].

Сравнительная конструкция также обслуживалась универсальным предлогом *уи*, а порядок следования компонентов был не таким, как в современном общенациональном КЯ (ср. *Ji shi fu yu Zhou gong* 'Род Цзи **богаче**, **чем** Чжоугун'). Получается, что китайский язык развивался в направлении вовсе не от иконичности к символичности (так должно было бы быть – в соответствии с теоретической концепцией "иконистов"), а наоборот, от символичности к иконичности.

Что касается последовательности глагольных синтагм в сериальных глагольных конструкциях, то он может быть изменен, например, в результате фокализации. Ср. нейтральный порядок слов (он соответствует ПВП) в примере (12а) и порядок слов в примере (13), где синтагма *zuo gonggongqiche* 'сидеть в автобусе' фокализирована с помощью связки *shi* (такой порядок не соответствует ПВП):

(12а) *Ta zuo gonggongqiche dao zher.*

'Он приезжает сюда на автобусе' (букв. 'Он-сидеть-автобус-прибыть-сюда').

(13) *Ta dao zher shi zuo gonggongqiche.*

'Он приезжает сюда НА АВТОБУСЕ (а не на машине)' (букв. 'Он-прибыть-сюда-связка-сидеть-автобус').

Если же в теорию укладываются только нейтральные, немаркированные высказывания, то как – совершенно справедливо спрашивают авторы – можно считать, что она обладает универсальной объяснительной силой?

Подведем итоги. Книга проф. Парис отличается ясностью, строгостью и доказательностью рассуждений, определенностью постановки задач, предельной четкостью формулировок.

Поставленная автором цель – "увидеть единство Языка за многообразием различных языков... выявить стоящую за самими повседневными высказываниями языковую деятельность говорящего" (А. Кюльоли) – была, безусловно, достигнута.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т. II. М., 1995.

Морев 1998 – Л.Н. *Морев*. Изолирующие языки материковой Восточной и Юго-восточной Азии через призму иконичности // Китайское языкознание. Материалы IX Международной конференции. М., 1998.

Плунгян 1988 – В.А. *Плунгян*. О работах группы формальной лингвистики Парижского университета-VII // ВЯ. 1988. № 5.

Прядохин, Прядохина 1998 – М.Г. *Прядохин, Л.И. Прядохина*. Краткий словарь трудностей китайского языка. М., 1998.

Тань 2002 – Тань Аошун. Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя. На примере китайского языка. М., 2002.

Chang 1991 – С.Н.-Н. *Chang*. Verb-copying: toward a balance between formalism and functionalism // Journal of the Chinese language teachers' association. 1991. XXVI (1).

Paris, Coyaude 1976 – М.-С. *Paris, M. Coyaude*. Nouvelles questions de grammaire chinoise. Documents de linguistique quantitative 28. Paris, 1976.

Paris 1979 – М.-С. *Paris*. Nominalization in Mandarin Chinese. The morpheme 'de' and the 'shi... de' constructions. Paris, 1979.

Paris 1981 – М.-С. *Paris*. Problèmes de syntaxe et de sémantique en linguistique chinoise. Institut des Hautes Etudes Chinoises. Paris, 1981.

Paris 1989 – М.-С. *Paris*. Linguistique générale et linguistique chinoise: quelques exemples d'argumentation. Collection ERA 642. Paris, 1989.

Paris 1997 – М.-С. *Paris*. L'espace énonciatif en chinois contemporain: mais où la triade est-elle passée? // C. Fuchs, S. Robert (eds.). Diversité des langues et représentations cognitives. Paris, 1997.

Tai 1985 – J.H.-Y. *Tai*. Temporal sequence and Chinese word order // J. Haiman (ed.). Iconicity in syntax. Amsterdam; Philadelphia, 1985.

Tsao 1990 – Tsao Feng-fu. Sentence and clause structure in Chinese: A functional perspective. Taipei, 1990.

Xiandai 1984 – Xiandai Hanyu ba bai ci (Восемьсот слов современного китайского языка). Beijing, 1984.

К.В. Антонян